

Матушка Сяоху происходила из богатой семьи, всю жизнь она жила в достатке и рук ее никогда не касался обжигающий солнечный свет и колодезная вода. Жизнь ее была нелегка: пусть все же невозможно сравнить беды простого человека в скромном жилище с тревогами благородной госпожи, размышляющей о порядках и нравах, частые тревоги оставили на лице матушки Сяоху глубокие морщины, а в жестах — расчетливую скованность. Старость госпожи была терпкой и полной достоинства: морщинки в уголках ее глаз и рта складывались в легкую осеннюю паутинку, а мутный взгляд напоминал утреннее марево. Даже в простых одеждах, даже с темными тенями беспокойства последних дней на лице, матушка Сяоху выглядела благородно.

С родственниками она была более приветлива, но с господином Ли, пусть он ее и заинтересовал, говорила скупно:

— Вы достаточное время уже живете в поместье, чтобы ответить: как вам здешний уклад? Говорите, ничего не боясь, как сказали бы своим родителям — этой старой женщине лишь интересно услышать мнение со стороны.

Ли Инчунь задумчиво запустил руку в шерсть устроившегося на его коленях кота. Еще один питомец старой госпожи лежал у ног юноши, и третий, забравшись на спинку его кресла, лениво наблюдал за концом нефритовой шпильки, которая украшала прическу господина Ли. Стоящий молчаливо в стороне даос Ян поражался: Ли Инчунь в самом деле все продумал и сейчас опять хотел обдурить старую госпожу: в одежде он наверняка снова спрятал лакомства! Но недоумевал не только даос: господин Ли был в том же смущении. Один раз трюк с лакомствами сработал и больше его пока юноша использовать не хотел — но кошки сами ластились к нему, словно к теплому кану. Ли Инчунь даже, пока никто не смотрел, пробовал осторожно отодвигать их от себя ногами, однако звери неизменно возвращались.

Господин Ли ответил:

— Ваше поместье имеет древнюю историю и просто пройти по нему — огромная честь. Многих картин и безделушек не найти даже в императорском дворце: но, если госпожа хочет услышать мою скромную оценку, дом выглядит слишком тихим.

— Резиденции благородного рода и не полагается быть торговой площадью, — с натянутой улыбкой ответила наложница Чжоу. Матушка Сяоху, однако, кивнула:

— Все так, как говорил господин Ли: дома лишь мы, старики, и дряхлые слуги!

Наложница Чжоу поджала губы: ни себя, ни своих служанок она старыми явно еще не почитала. Однако рядом с ней была лишь одна юная девушка, рядом с Ли Инчуном замерла Фэнцзи — остальные женщины служили Бамбуковому двору и в самом деле давно вступили в осень своей жизни. Многие из них пришли служить матушке Сяоху в юности и, полюбив ее, не пожелали уйти в положенный срок в собственную семью. Не понять было по выбеленным лицам и стянутой от тугих причесок коже, жалели ли эти женщины о своем теперешнем положении, но, услышав слова госпожи, они согласно закивали. Матушка Сяоху обратилась к старшей своей прислужнице:

— Цуймо, помнишь, как тут было когда-то?

Однако Цуймо не ответила: она стояла за спиной госпожи, глядя прямо перед собой и по сдвинутым бровям было ясно, что женщина глубоко о чем-то задумалась. В опущенных руках она держала поднос, на котором ранее принесла чай для старой госпожи, и Ли Инчунь заметил, что ее белые пальцы по нему коротко постукивают.

Матушка Сяоху позвала еще раз:

— Цуймо?

— А? — отозвалась женщина и тут же спохватилась: — Простите, госпожа, эта служанка была невнимательна. Вам что-то требуется?

— Разве что твое внимание, — сварливо отозвалась матушка Сяоху, но больше не стала выговаривать служанке, вместо этого вновь обратившись к господину Ли. — Когда Жун-эр и Сяолин были маленькими, по всему дому стояли шум и смех, никто не мог за ними доглядеть! Вместе с ними обучались дети из побочных ветвей рода, потому одногодок тут собиралось дюжины и все они были неугомонными и непослушными!.. Бывало взглянешь: прекрасный ребенок, спокойный и тихий, словно Будда, но стоит ему попасть в компанию — так словно находит помутнение!.. — старая госпожа рассмеялась. — Я бранилась на них — от криков болела голова, — но теперь скучаю.

— Пусть этот скромный человек не видел столько, сколько знала на своем веку госпожа, я могу вас понять, — с легкой улыбкой отозвался господин Ли. — Я старший ребенок своего отца, и у меня есть семеро младших сестер и братьев. Пока мы жили в одном доме, они извечно создавали суматоху, шум, что не услышать было своих мыслей. Когда-то я действительно по этому скучал.

— И ведь родных из дома не выставишь, — рассмеялась матушка Сяоху. От улыбки лицо ее будто становилось свежее, но очень скоро в чертах начала появляться тоска. — Теперь Сяолин уехала, а Жун-эр разговоры о женитьбе боится, словно огня.

— Может, он поступает так только от смущения, — ответил Ли Инчунь и опустил глаза — точно что-то скрывал! От матушки Сяоху не ускользнул его жест, и женщина быстро спросила:

— Неужели господин Ли знает что-то, что неизвестно этой старой женщине?

— Этот простой человек не смеет.

— Я знаю что между вами, молодыми людьми, дружба куда крепче, чем между детьми и их родителями, — сказала матушка Сяоху. — Рассказал ли вам Жун-эр что-то?..

Ли Инчунь оглянулся вокруг и склонился к старой госпоже, ответив:

— Молодой господин не будет рад, что я вам рассказал, поэтому не выдавайте...

— Конечно-конечно, — заверила матушка Сяоху.

— Последние дни после работы в министерстве молодой господин остается во дворце: но не ради рабочих дел, а чтобы поговорить с Первой принцессой. Люди в городе уже говорят, что между ними особая связь и с весной настанет время, когда столица оденется в красное... — ни на мгновение не испытав мук совести, на одном дыхании разболтал Ли Инчунь. Фэнцзи и даос Ян за его спиной от возмущения не могли вымолвить и слова: пусть они не уславливались держать в тайне увлечение своего господина, но и докладывать старшим родственникам!.. Это было слишком подло!

Однако возможности возразить у молодых людей не было, потому как матушка Сяоху воскликнула:

— Вон оно как!.. — от неожиданности она даже взмахнула руками: но быстро вновь чинно сложила их на коленях. Женщина не знала пока, радоваться этой новости, или страшиться ее, потому выглядела растерянной.

Господин Ли продолжал:

— Потому не волнуйтесь, госпожа, молодой господин своей женитьбой озабочен в той же, что и вы, степени — просто говорить о таком обычно неловко. Но он, кажется, серьезен? Даже подарил Ее Высочеству цветок нарцисса.

«По ошибке!..» — в мыслях воскликнули даос Ян и Фэнцзи, но им суждено было остаться неслышанными. Господин Ли будто не желал оставить Фэн Жуну места для отступления, потому об его отношениях с Первой принцессой рассказал все, что ему было известно, ничего не утаив. Матушка Сяоху слушала с радостью, а наложница Чжоу не сводила с лица Ли Инчуня внимательного взгляда.

Он не говорил ничего плохого и совершенно ничего предосудительного не делал — но отчего-то казалось, словно с каждым его аккуратным словом петля на шее наложницы Чжоу затягивается. Она была аккуратной женщиной, не любившей риск и запутанные планы, ей хотелось жить в достатке и им же обеспечить своих детей, но появление из ниоткуда господина Ли, его вмешательство в подготовку приема хоу и теперешние действия заставляли думать, что юноша что-то замышляет. Наложница Чжоу не доверяла ему и мгновения.

Когда господин Ли закончил рассказ и матушка Сяоху задала все интересующие ее вопросы, наложница Чжоу сказала:

— Все это звучит словно, но отчего же молодой господин сам не рассказал?

— Он мог быть смущен, — легко отозвался Ли Инчунь.

— Но все же брак дело обычное, чего тут бояться? — спросила женщина и тут же повернулась к матушке Сяоху. — Новости радостные, но полностью верить в них не стоит, все еще может перемениться. К тому же, разве так уж плохо жить, как мы живем теперь? У вас нет ни тревог, ни забот, внуки к вам почтительны и слуги расторопны — и у ног Будды не так спокойно.

Старая госпожа неопределенно покачала головой: она не хотела спорить с невесткой при чужом человеке, а кроме того была отчасти согласна с ее словами. В любой жизни были плюсы и минусы, и матушку Сяоху за прошедшие за годы научилась видеть их все.

Ли Инчунь тоже не стал отвечать: он лишь опустил взгляд и коротко улыбнулся. Далее разговор пошел о другой теме: в середине его к наложнице Чжоу подбежала служанка, и она, сославшись на усталость, удалилась. Господину Ли тоже невежливо было засиживаться в покоях старой госпожи, потому он принялся с ней прощаться. Перед уходом юноша заверил матушку Сяоху, что Фэн Жун вскоре обязательно пойдет на поправку и сам ее навестит.

Когда Ли Инчунь и сопровождающие его даос Ян и Фэнцзи покинули Бамбуковый павильон, двое едва не подпрыгивали на месте от нетерпения. Однако, едва Фэнцзи хотела что-то спросить, господин Ли сам обратился к ней, говоря чуть громче, чем он делал это обычно:

— День был долгим, я хочу отдохнуть. Ступай в Сад камелий первой и согрей воды, — Ли Инчунь взглянул на удивленно округлившую глаза служанку и добавил. — И погляди, будет ли у колодца кто из слуг наложницы Чжоу.

Фэнцзи понятливо закивала и убежала вперед. Рядом с господином Ли, поддерживая его под руку, остался только даос Ян. Старик сжимал и разжимал губы, словно хотел что-то сказать, и от этого его редкая белоснежная борода подрагивала, словно в страхе. На лице даоса из-за сети морщин трудно было рассмотреть выражение, но глаза Ян Вэньяна, небывало для пожилого человека яркие, явственно выдавали все его чувства.

— Даос Ян, неужели в вашей секте никогда не случалось конфликтов, борьбы за влияние? — спросил Ли Инчунь, точно кожей ощущая волнение старика. — Кто получит лучше техники и больше чудодейственных пилюль?

— Не могу припомнить, — от усилия нахмурившись, ответил Ян Вэньян. — Конечно, каждый хочет развить свои силы и достичь бессмертия, но чтобы члены одной семьи подставляли и вредили друг другу?..

— Может, вы просто не видели?

— Как можно такое не заметить? — возмутился даос. — Пусть в секте мы все не кровные родственники, но шисюны и шицзе для нас словно родные братья и сестры, а наставники — как родители. Кто захочет навредить своему ребенку? Об этом нельзя и помыслить!

— ...хорошая позиция, — через мгновение молчания ответил Ли Инчунь. На ходу он прихрамывал, потому волосы его чуть растрепались и несколько тонких прядей упали на лоб, создавая в глазах темную тень — а может поднялись там тоской воспоминания. Господин Ли в самом деле считал слова Ян Вэньяна красивыми: а еще ужасающе по-юношески наивными. Если об истинном намерении человека можно было судить по глазам, что, как известно, являются отражением души и не могут солгать, то о нраве его лучше прочих скажут слова и повадки, пусть даже они будут противоречивы. Ли Инчунь сказал: — Семьи бывают разные и не всегда в них царит покой. Кроме того, покой внешний не всегда означает покой внутренний, а если вы чего-то не видите, это не значит, что этого нет.

— Господин Ли хочет сказать, что я просто слеп? — возмутился Ян Вэньян: но более с опаской, чем с раздражением.

— Хочу сказать, что вы просто многого не видели. Возьмем даже семью Фэн: в их отношениях столько же порядка, сколько и непонимания — конечно отсюда может появиться желание отомстить за некоторые обиды.

— То есть вы все же думаете, что наложница Чжоу?..

— Я этого не говорил, — ответил Ли Инчунь. Он глубоко вздохнул: — Но для меня нынешняя ситуация — хорошая возможность. Если я разберусь в происходящем, то молодой господин Фэн станет мне признателен еще более, и, вероятно, чем-то щедро вознаградит.

— Все ли надо делать ради лишь одних наград, — сварливо отозвался даос Ян, отведя взгляд.

— Отчего нет? — легко ответил господин Ли. — Сердечную благодарность не разменять на серебро, а хорошая карма в следующей жизни дело моего следующего воплощения. Потому лучше награду принимать, если есть такая возможность за помощь в делах, расследование или... — Ли Инчунь посмотрел на идущего рядом даоса и хитро ухмыльнулся. — ...хранение чужих тайн.

Ян Вэньяну вдруг в один миг показалось, словно человек рядом знает каждый его секрет и в яшмовых глазах они плывут цветастой вереницей. Рука господина Ли была легкой и едва

теплой, но вдруг показалась даосу обжигающей и он едва удержался от того, чтобы не отбросить ее и этого человека от себя.

На силу сдержавшись, Ян Вэньян севшим голосом спросил:

— О чем вы говорите?

— Сущие мелочи, — отозвался Ли Инчунь, не глядя на своего спутника, но тут же продолжил: — ...для меня. Для даочжанов, боюсь, дела обстоят иным образом. Однако, задумавшись над вашим положением, я вдруг понял, что смогу помочь.

— Н-ни с чем нам помощь не требуется, — неубедительно ответил Ян Вэньян.

— Вот как? — удивился Ли Инчунь. — Неужели даочжанам не хочется вернуть свой истинный облик?

Во рту Ян Вэньяна в тот же миг пересохло, а руки его невольно сжались. Раскрытие собственной тайны словно удар грома оглушило его, но кроме этого душу разбредило нечто куда-более ценное и в последний год обратившееся лишь в призрачную тень — надежда. Не смея на что-либо надеяться, даос Ян невольно крепче сжал предплечье господина Ли, в этом простом движении чувствуя, как напрягаются слабые мышцы. Каждое движение старика отдавалось не болью, но тяжестью, что казалось, будто за поднятием руки он не сможет никогда более совершить подобного. Шея Ян Вэньяна от простой прогулки затекла, поясница противно ныла, а ноги в коленях подрагивали, словно демонстрируя всю омерзительную слабость старости. Это тело не было телом даоса Яна.

В начале осени Ян Вэньяну исполнилось семнадцать; Чжунчу Чэну, что на полгода был младше, было теперь только шестнадцать, а внешний вид их был следствием проклятия, по неосторожности объявшего молодых совершенствующихся языками безжалостного пламени. О нем знал только их шисюн, Пятый принц, и он согласился помочь им, скрыв на время от секты и общего учителя, чтобы найти способ снять проклятье. Оба даоса верили Фу Ичжэню и готовы были притворяться его слугами до тех пор, пока решение не найдется — но с каждым прожитым днем сухая старческая кожа будто плотнее прирастала к их костям и не отличить уже было, где заклинатели, а где чужое жуткое намерение.

Оттого, что Ли Инчунь их внезапно обличил, Ян Вэньян испытывал смешанные чувства. С одной стороны он рад был, поскольку не нужно теперь было притворяться, и надеялся, что уж господин Ли точно отыщет выход из их непростой ситуации. С другой же даосу Яну, не лишившемуся еще юношеской горячности и остро реагирующему на поправление своей чести, хотелось тут же провалиться на месте от стыда и злости: сложно уж сказать, на кого конкретно.

За этими мыслями в тяжелом молчании двое дошли до Сада камелий. Даос Ян хотел было по привычке открыть дверь, но Ли Инчунь остановил его и взглянул заклинателю в лицо. Теперь он четко видел, что за внешней старостью под седой бородой скрывается мальчишеское лицо, растерянное и доверчивое. Господин Ли сказал:

— Помнишь, я говорил о своем учителе?

— Да, — кивнул Ян Вэньян.

— Он был заклинателем и рассказывал мне много чудесных историй, — сказал Ли Инчунь. — Было там что-то и про подобные вашему проклятью...

— В самом деле?! — радостно воскликнул даос Ян, но тут же постарался придать безразличия лицу. — И что же он говорил?

— Трудно вспомнить, — склонив голову и приложив к виску длинный бледный палец, сказал господин Ли. — Все мои мысли направлены сейчас на помощь молодому господину Фэну, за его покровительство ведь полагается щедрая награда.

Ян Вэньян прищурился:

— Чего вы хотите?

— А разве много с вас можно взять? — улыбнулся Ли Инчунь. — Однако у заклинателей есть ведь духовные камни?

Даос Ян неуверенно кивнул. Духовные камни были сродни валюте в мире цзянху, но в то же время с помощью них можно было повысить свой уровень. Их можно было получить у секты за выполнение ее поручений, от своего учителя, или найти в тайных царствах: конечно, у Ян Вэньяна и Чжунчу Чэна был некоторый запас.

— Зачем они вам? Вы ведь не заклинатель.

— Нет, но многим ли заклинатели отличаются от простых смертных?

Даос Ян прищурился: он считал, что довольно многим. Пусть в его душе не было того высокомерия, что у некоторых именитых мастеров, которые обычных людей не почитали себе равными, он также понимал, что то, что ценно для заклинателя, ничего может не стоить для городского жителя или чиновника: и наоборот. Глядя на его задумчивое выражение, господин Ли вздохнул:

— Все мы имеем тело из плоти и крови, а в наших медианах течет живая ци. Для заклинателей духовные камни словно дрова для костра, а для моего слабого тела могут стать лекарством.

— Об этом вам тоже рассказал учитель? — удивился даос Ян, но Ли Инчунь только отмахнулся.

— Сотня камней от тебя и Чжунчу Чэна, и после я расскажу вам о проклятье все, что знаю: а знаю я, как его снять.

Ян Вэньян нахмурился, но душу его разрывали словно голодные духи противоречивые эмоции, потому юноше оставалось лишь молчать. Наблюдая за ним, господин Ли взялся за ручку двора Камелии.

— Расскажи Чжунчу Чэну, и приходите ко мне оба вечером, — Ли Инчунь открыл дверь и сделал было шаг вперед, но тут же остановился и уточнил: — О, и ни слова Его Высочеству. Пусть это останется между нами.

Маленький театр:

Ян Вэньян: Почему шисюну нельзя рассказать?

Ли Инчунь: Он не настолько доверчив.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1731885>